

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

154

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 154

III - 1988

Édité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, Ю. Кублановский, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1989 год (3 выпуска) :

Франция	240 фр.
Другие страны (Sea Mail)	270 фр.
" (AIR MAIL)	320 фр.

Цена отдельного номера : 80 фр. / 15 долл.
(без пересылки)

«LE MESSENGER»
CP: № 23-601-57 U Paris).

0000697к/х

Е
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

«LE MESSENGER», A.C.E.R.,
s, F. (tél. 42.50.53.66).
à Paris
Nata STRUVE.

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

**ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

154

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

0000697к/х

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

О "МАРТЕ СЕМНАДЦАТОГО"

В год своего 70-летия Александр Солженицын четвертым томом "Марта Семнадцатого" закончил центральную часть эпопеи о Революции, мысль о которой зародилась у него, как известно, на полвека раньше, в 1937 году... Приступил он к ней через три десятилетия, после войны, лагеря, болезни, отсрочивших его появление в литературе — лишь тогда, когда исполнил до конца (вплоть до нового ареста и высылки) свой писательский долг перед настоящим. Только после того как в 1967г. был завершен, а затем переправлен на Запад "Архипелаг Гулаг", Солженицын почувствовал себя свободным вернуться к изначальному замыслу.

Эпопея задумывалась молодым студентом-комсомольцем, воспитанным средой в любви к революции, а исполнялась закаленным офицером и зека, и прославленным писателем, целиком и бесповоротно в революции разуверившимся. Но начатая эпопея, по предварительному, широчайшему плану в 18, если не больше, Узлов, с 1914 по 1922 год, по ходу писания претерпевала коренные изменения вширь и вглубь. Оконченный в 1970г. вступительный том, посвященный последнему огляду на безмятежную русскую жизнь и первому, бессмысленному, по вине правительства, истреблению лучших частей русской армии, в эмиграции показался ему недостаточным и оброс непредвиденным вторым томом: не только и не столько от военных поражений 14-го года родилась злополучная революция, сколько от рокового, бессмысленного выстрела 1911г. в Столыпина, государственного строителя, стремительно обновлявшего Россию и вводящего ее в настоящий XX век. А от Столыпина еще дальше — к систематической борьбе общества с правительством, политической (земства, кадеты) и террористической (народовольцы).*

*) За 30 лет до убийства Столыпина не менее роковым было убийство царя-освободителя, о чем теперь открыто говорится в советской печати: "... Этот март державу доконал". (Стихи Владимира Корнилова, "Новый Мир", №8, 1988). Ретроспективная история народовольческого террора дана во втором томе "Августа Четырнадцатого".

Начатый в России и долго выписывавшийся, второй, двухтомным Узел "Октябрь 16-го", в котором дан спектральный анализ начавшегося разложения России, судя по всему, соответствовал первоначальному замыслу. Но "Март 17-го", почти целиком написанный зарубежом, в основном в уединении североамериканской глуши, разросся на собственной тяге в огромный четырехтомник (обескураживающий ленивого читателя), заполонил всю эпопею, не дал ей развиваться в более просторное временное полотно, по плану включавшее и октябрьский переворот, и гражданскую войну, и крестьянские восстания 22 года... Теперь известно, что за "Мартом 17-го" последуют лишь два заключительных тома, посвященных "Апрелю", когда февральская революция уже бесповоротно стала катиться к распаду государственности. От последующих, прежде намеченных Узлов, читатель в лучшем случае получит лишь отрывочные главы...

Чем объяснить такую неожиданную перемену в замысле автора?

Солженицын нас приучил к тому, что он не только большой писатель, но и законченный стратег, общественно-литературный полководец. В "Теленке", что с дубом бодался, Солженицын нам рассказал, как в опасной и сложной игре с государством то подпольно, то в открытую, он оставался, как правило, ведущим. Но легче вести игру на общественном поле сражения, чем в тайниках творческого духа: здесь писатель столько же ведущ, сколь ведом. Облекшись образной и словесной плотью, "Красное колесо" покатило само, зажило собственной жизнью и стало диктовать автору свои законы.* Высокое творчество — оно же и судьба — всегда борец, схватка между творцом и творением. И в этой схватке писатель одновременно "победитель-побежденный".**

Сосредоточенность на "Марте 17-го" вытекала и из политических позиций Солженицына: в отличие от многих лево-либеральных умов, плененных демократическими лозунгами и видящих в февральской революции чуть ли не единственно-положительное событие в русской истории, Солженицын ею никогда (разве что в ранней молодости, в свой "доисторический" период) не обольщался:

*) Нечто сходное испытала Ахматова, когда писала десятилетиями "Поэму без героя".

***) "Победитель-побежденный", так озаглавил свою статью о К. Леонтьеве С. Булгаков (см. сборник *Тихие думы*).

именно она привела к Октябрю. Было и больше: не раз Солженицын повторял, что в сегодняшней России (в ту пору застойной, брежневской) боится больше всего "нового февраля", новой безответственной, бесцельно-словесной, пусть и демократической революции, способной своей беспочвенностью привести к еще пушей разрухе.* Насколько известно, от этих опасений Солженицын в значительной мере теперь отказался.**

Но независимо от того, что думает Солженицын о феврале и о его возможной повторности в наши дни, не столько идеологические, а, как мы уверены, художественные причины привели к тому, что "Март" стал центральным стержнем эпопеи. Именно в мартовском трехнедельии, на фоне всеобщего ликования, Россия промотала самое себя. Именно Март, а не Октябрь 17-го года предоставил художнику богатейший материал для поэтического изображения. Обыкновенно считается, что добро труднее преобразить в словесном искусстве, чем зло, но это не совсем так. Искусству слова так же трудно воплотить "конечное добро" ("положительно прекрасный человек", над которым бился Достоевский), как и конечное зло. "Великий Октябрь" велик лишь злом: захват власти грубой силой организованного меньшинства, торжество низких инстинктов, свободоубийство, богоубийство. В этом смысле Октябрь художественно неопишуем. Только Блоку удалось зафиксировать черными красками октябрьскую улицу, но при парадоксальной концовке: во главе антихристианского бунта идет Иисус Христос... Но не подставь Блок Его, и остались бы одни убийства, одно хаотическое разрушение, из которого не выстроить произведения искусства. Наиболее благодарный материал художник находит в полярном напряжении добра и зла, там, где, по выражению Достоевского, Бог с дьяволом борется...

*) См. "Наши плюралисты", *Вестник РХД* № 139.

***) Впрочем, Солженицын и здесь оказался проницательней, чем тогда казалось. В опьянении, закономерном, гласностью, в словесной, более чем деловой, перестройке, которая сейчас происходит в России, есть что-то, что отдаленно напоминает Февраль. Но аналогии в истории неизбежно относительны и ограничены. Сейчас, ослабление гнета тоталитарной власти — реально, в то время как опьянение свободой в феврале было мнимым: по существу Россия в 1914 г. была вполне свободным государством. Нечто подобное мы испытали и в 1968 г. во Франции, когда многим вдруг показалось, что они обрели наконец свободу.

Февральскую революцию делали не злодеи, не "проклятием заклеянные" низы общества, которым, по блоковскому слову, на спину надо б бубновый туз, и даже не фанатики, а обольстившая себя улица, утомленная далекой войной, но сытая, просвещенные, казалось бы, общественники, политический цвет нации... А на противоположном полюсе стояли, сопротивляясь или пригибаясь, горстка доблестных офицеров, сановные, не деловые, часто сменяющиеся министры, одинокий, все более и более одинокий царь, а посреди барахтались то сюда, то туда служаки, нерешительные, трусливые, а иногда и вероломные. Заглушенные уличным безответным ликованием и трескучей фразеологией, наводнившей страну, просыпались звериные инстинкты, выливавшиеся там и сям в избиения офицеров... И лишь поодаль, за границей, еще в бездействии, ожидал своего часа злой гений, от которого и пошло разнудание инстинктов и стихий.

Какая богатейшая палитра красок, какое разнообразие лиц и личин, какое сопряжение воли и безволий, сколько психологических и социальных конфликтов...

Муза Солженицына не могла не ухватиться именно за этот "узел узлов", когда вся Россия встrepенулась, вздыбилась, вышла на улицу, напряглась и... развалилась.

В исторической перспективе жалкое преддверье великой катастрофы, февральская революция превратилась под кистью Солженицына в грандиозную всероссийскую, всечеловеческую трагедию.

Ленивый или предубежденный читатель (тот, кто читается в первый том, уж потом не оторвется) недоуменно спрашивает, неужели нужны были все 3700 страниц, чтобы доказать несостоятельность Февраля? Но дело в том, что Солженицын в "Марте 17-го" ничего не доказывает (по крайней мере преднамеренно), а живописует, возводит небольшой отрезок времени огромной тронувшейся с места России в ступени художественной достоверности. Можно сказать: Солженицын "поэтизирует" февральские события, если под этим понимать не идеализацию, а возведение реальности в высшую, поэтическую степень бытия. Углубляясь в факты, в тайны судеб и личностей, Солженицын становится все послушнее велениям музыки, точнее муз, так как эпопея не стих, нащептанный одной таинственной гостьей, а многогранное произведение, над рождением которого склоняются по крайней мере три музы: Клио (история), Мельпомена (трагедия) и Каллиопа (эпическая поэзия).

Клио

Мы уже писали (и не мы одни), что Солженицын создал новую, доселе не существовавшую разновидность исторического романа. Одна из ее особенностей заключается в том, что вымышленные герои служат фоном, аккомпанементом для исторических событий. Подчиняя исторический процесс строго "отмеренным срокам" (меньше месяца), Солженицын неизбежно отодвигает вымышленных героев на второй план и обрекает их судьбы на незавершенность. Судьба героя в эпопее требует развертывания во времени, как у Толстого. Или же она берется, как в романах-трагедиях Достоевского, в конечном фазисе, в момент развязки. У Солженицына же сгущенно или в конечном фазисе берется не судьба человека, а сама история, ее узел, отчего главными героями узла становятся исторические личности, те, которых история, какие бы они ни были, заурядные или яркие, выдвигает на авансцену. Вероятно, в начале, следуя вальтер-скоттовской традиции, в ее русском предложении (Пушкин, затем Толстой), Солженицын предполагал, что ему удастся найти равновесие между романическими и историческими персонажами. Но это ему не удалось. В первом томе "Августа 14-го" и в двухтомном "Октябре 16-го" главы с вымышленными героями занимают по крайней мере половину (а то и больше) повествования. Но уже во втором томе "Августа 14-го", задуманном после "Октября 16-го", соотношение вымышленных глав с главами историческими уменьшается (одна на три), а в "Марте 17-го" стремительно падает (одна на десять), причем эти главы здесь сокращаются в объеме, иногда до одной странички.

Иной раз кажется, что в "Марте 17-го" Солженицын мог бы без большого ущерба обойтись вовсе без вымышленных героев, которые служат лишь композиционным звеном с предшествующими Узлами. Теперь уже очевидно, что судьба Колеса определится в последнем, "апрельском" Узле, а судьба вымышленных лиц в нем оборвется, и мы о том, что с ними в дальнейшем произойдет, так и не узнаем (разве что когда будут опубликованы наброски и заготовки несостоявшихся Узлов).

Исторический роман, в отличие от исторического труда, идущего по верхам, как правило покоится на диалектическом прогнотировании между личностями, игравшими видную роль в событиях, и людьми рядовыми, принимавшими в них участие наравне с сотнями, если не тысячами других: Гринев-Пугачев, Маша-

Екатерина, Болконский-Наполеон и т. д. Первые взяты из истории, вторые обычно созданы писателями, поскольку история о них памяти не сохранила... Но в случае февральской революции, обилие материалов, воспоминаний, дневников, устных рассказов позволило Солженицыну взять из "истории" и частных лиц, вполне реально существовавших: таковы, к примеру, братья Кривошеины, унтер Тимофей Кирпичников, капитаны Клементьев, Нелидов, Некрасов и десятки других, чьи фамилии автор не счит нужным переименовать. Впустив толпу реально существовавших "частных" героев, неизбежно за счет вымышленных персонажей, Солженицын усилил непосредственно историческую достоверность романа.

Следует лишний раз подчеркнуть, что историческая муза Солженицына, в еще пожалуй невиданной мере, озабочена точностью в передаче не только общего духа истории, но и малейших деталей: но, как ни странно, в этом и есть удача Солженицынского письма, научная точность (ни на одной фактической ошибке Солженицына не поймали, сколько ни пробовали ловить) нисколько не мешает поэтической экспрессии: они гармонично и нераздельно слиты. У Пушкина в меньшей мере (все же "Капитанская дочка" отделилась от собственно "Истории Пугачевского бунта"), у Толстого в большей, поэт придавил историка. У Солженицына, впервые, взыскательный художник находится в ладу с наидобросовестнейшим историком, причем ведущая роль остается за художественным заданием. Отчасти это гармоническое сочетание добывается тем, что, вместо обычного противопоставления исторических и частных лиц, мы имеем в "Марте 17-го" плавный переход одних в другие. Исторические герои в "Красном Колесе" не полубоги (которых нужно снимать с их пьедестала), а люди, как другие, у которых исторические функции не вытесняют обыденную жизнь. У вымышленного Воротынцева и у вполне реального Гучкова, или у почти реального Ковынева (писатель Крюков) сходные семейные проблемы. Да и царь прежде всего семьянин, отчасти ради семьи и больных детей жертвующий трон и Россией. Даже у Ленина, поглощенного политикой, то и дело в мыслях мелькает Инесса Арманд. В этом отношении Солженицын верен семейно-историческому роману, но задачу решает по-своему: у него все исторические личности имеют свою не историческую (хотя и соответствующую реальности) сторону. И обратно: в Солженицынском историческом понятии участвуют все, каждый на своем месте, но в каком-то смысле на равной ноге: судьба страны зависит от поведения

и ответа каждого. В этом персоналистическом освещении (нет ничтожных людей, действий, мгновений) вторая особенность "исторической" музыки Солженицына.

Мельпомена

Персонализм питает и другую струю Мартовского узла: его высокий трагический накал. Весь узел и состоит из противоборства между Роком и свободной волей людей, способных року противостоять, его задержать, если не поколебать. Слишком глубоко слился Солженицын с убеждением-опытом, что сопротивление одного может многое, чтобы предоставить Року античную функцию слепой, неумолимой судьбы. В христианизированном понимании Рок не упраздняет свободы людей.

До известной степени, февральская революция вспыхнула на ровном месте, и в этой вспышке было что-то роковое. Революции могло бы и не быть. Она могла бы и не удалась. Не будь злополучной "хлебной петли", не будь бессильного министерства, не будь слепотствующих либералов, не знающих реально власти, не будь в Петрограде бездарного коменданта, не будь Николай обеспокоен корью детей; или будь побольше таких "сопротивленцев", как Кутепов, будь вел. кн. Михаил более решительным или не будь он обескуражен своими же, сторонниками монархии и т. д., и т. д.

На этих "будь" или "не будь", на этих моментах, когда, казалось бы, революция могла бы быть остановлена, и построен весь Узел. Нас, знающих, во что обойдется Революция, какими бесчисленными Крымами, Курапатами, Колымами обойдется ее "успех", Солженицын делает свидетелями тех, еще не решенных, но все решающих событий... У читателя "Марта" на протяжении трех тысяч страниц не перестает замирать дух: ему мнится, что все еще возможно, хотя он и знает, что все уже предопределено. Все участники творят трагедию: и те, кто раскачивает сознательно или бессознательно Колесо, и те, кто пытается, или кто мог бы его задержать...

Трагичен весь Узел, но трагичнее всех в нем — царь. На подступах к "Колесу", Солженицын, видимо, не предполагал останавливаться подробно на личности Николая II. Царь вошел в эпопею, начиная со второго тома "Августа", через убийство Столыпина, "этиодом о монархе", оказавшемся "не на высоте задач, решенных его премьер-министром". Но как бы ни был прекрасен "этиод о

монархе”, это — образная глава, почти чистая, ретроспективная история. В “Марте 17-го” царь становится главным действующим (хотя и бездейственным) лицом, главным исполнителем трагедии, и, тем самым, высшим поэтическим образом. По характеру, по свойствам своим, слабый, нерешительный царь не должен был пленить боевого, волевого, смелого автора. Но когда наступает кенотический час императора, затерянного между Ставкой и Царским в литературном поезде, добровольно отрекающегося от трона, за что лишается и чести и славы и свободы, тогда Солженицын находит свои самые сгущенные, самые глубокие, самые интимные краски. И это не случайно. “Кенозис”, по образу Христа, — “истощание”, “уничтожение”, совлечение с себя всех привилегий, всех превосходств, возвращающее к сущности и излучающее свет, составляет основной религиозно-философский пафос творчества Солженицына. Вспомним Матрону, “узкий путь”, вспомним вхождение Володина в тюрьму, верховный час Самсонова, в лесу, перед самоубийством, или, от противоположного, нежелание Русанова смириться, подчиниться равенству ракового корпуса...

Красной нитью, через все романы Солженицына, проходит тема “положительного” отречения, приобретения через отдачу, заложенная от века в русскую душу почитанием Бориса и Глеба, и так ярко выраженная и у Пушкина (станционный смотритель), и у Гоголя (Акакий Акак.), и у Достоевского (смирение — великая сила), и, ближе к нам, у Ахматовой (Все расхищено, предано, продано... Отчего же нам стало светло?). У Солженицына кенозис идет не только от русской традиции, но и от глубочайшего личного переживания. По существу кенозис и есть христианская трагедия, в которой жертва — всегда искушение и восстановление в сущем.

Каллиопа

Мельпомену от эпической музы, Каллиопы, отделяет невидимая грань. Особенность эпопеи в ее множественности, расцветивании, развергивании. Довальтерскотовский, а также и современный роман сводятся к нескольким персонажам, к одной-двум ситуациям. Эпопея же вбирает в себя бесконечное число лиц, происшествий, любит вариации на ту же тему. Уже в “Архипелаге” поражала способность Солженицына овладевать множественностью: из личного опыта, исторического материала и 226 частных свидетельств — составить стройный трехтомник, пронизанный единым видением, но никогда не в ущерб индивидуальным чертам, част-

ностям. Тот же дар, в еще большей степени, сказался в “Красном Колесе”, и именно в “Марте 17-го”. Изменился ритм повествования, сообразно с лавиной сменяющихся событий, главы стали короче, контрасты между ними резче. Одно перечисление изображенных или затронутых лиц заняло бы целую страницу. И каждый персонаж, независимо от занимаемого им места, единственен и абсолютен. С каждым автор сродняется, сживается, так что читателю предоставлена широкая свобода: выбирай себе какого хочешь героя, за исключением двух-трех лиц, в изображении которых Солженицын дает волю своей сатирической жилке: рыхлого, глупого Родзянко, и вечно порхающего, эстрадного Керенского, вероломного генерала Иванова, пожалуй, и не полюбишь. Людей дела, пусть они и противники, пусть они и демонические, Солженицын уважает. Людей пустого слова он не щадит.

Ввиду размеров “Марта 17-го” нет возможности дать в одной статье сколько-нибудь полный отчет об историческом и художественном его богатстве. На одной, по видимости второстепенной, главе мы позволим себе остановиться в качестве заключения, так как по ней можно проследить основные приемы солженицынской поэтики (работа над материалом, композиция, соотношение частного с общим), того, что мы в начале назвали “возведением реальности в степень художественной достоверности”.

В 292 главке (всего их в “Марте 17-го” 656) шальной пулей смертельно ранен в автомобиле, в котором он ехал с Гучковым, “его любимый и верный сподвижник по неудавшемуся перевороту”, кн. Вяземский. Эпизод взят Солженицыным из воспоминаний сестры, граф. Васильчиковой; там он передан деловито, без излишних подробностей. У Солженицына он превращается в небольшую, многогранную новеллу. Случайная смерть, как бы от революции, и не от нее. Частная трагедия вписывается в общую вторжением “бессмыслицы” в кажущуюся историческую закономерность (и тем самым ставит ее под сомнение). “Глупая” смерть — издержка уличных волнений — предвещает будущие невинные жертвы. Друг Гучкова умирает, когда “каждым получасом необозримые события утекали во все проломы”. И вдруг, событие не историческое, непредвидимая смерть друга, выступает на первый план. Творящий революцию Гучков и его сподвижник неожиданно, по воле рока, оказываются в разных измерениях:

“Только что они носились вместе, в одной сфере, в кругу одних мыслей, — но влетел кусочек свинца, и сферы их стали

быстро раздваиваться. У Гучкова, кажется, еще расширилась и напряглась, в тщетном усилии охватить упускаемое по задержке. Он сидел у головы раненого и хмурился. А у Вяземского сфера действия стала разряжаться, облегчаться, стала вытягиваться в какой-то светлеющий эллипсоид, все менее омраченный заботами этой ночи, все менее запорошенный сором революции. Передний конец эллипсоида — в никому не известное будущее, задний — в светлое милое прошлое”.

Опять кенозис, опять истощание, как всегда при исходе, сужение жизни до самого главного... И в мысли и в уста умирающего автор вкладывает воспоминания о родном, образцовом поместье, Лотареве.

Несколько глав из мемуаров Васильчиковой стягиваются в одну-полторы странички предсмертных мыслей, воспоминаний, вздохов, прощание частного лица со своим детством, прощание и всей России с частью своего прошлого, своей сути:

”... Громадные, загадочно одиночные дубы в степи... Цветенье степи желтыми, голубыми цветами... А канавы розовым миндалем, белым терном... Красавица речка Байгора. И крестьяне, крестьяне... И близкие — и чуждые... И какого-то другого языка — и главная живая часть родного пространства...”

Но воспоминания о передовом поместье не просто идиллия, в них вкрадываются и таящиеся между барами и народом опасные конфликты: ”Столетняя старуха просит поцеловать руку, и обижаются, что не дают: ”гордые стали”... А в Пятом году в саратовском Аркадаке, на отгуле косяков, — взбунтовались. /.../”

Новелла о Вяземском, хотя закономерно переплетается, как мы видели, с другими нитями повествования, но достойна и самостоятельного существования, так и просится в антологию коротких рассказов. Но таких, не совсем крохоток, рассказов в четыре-пять страниц в ”Марте 17-го” рассыпано множество (что должно утешить тех, кто просит от Солженицына возврата к малой форме). И в каждой из них, как и во всем Узле, в частности и в совокупности, в трагических (всегда) и в юмористических (редко) ситуациях, в калейдоскопе лиц, от императора до безымянного солдата, в вихре столкновений, взлетов, падений, надежд и разочарований, по удачному слову де Вогюз о Тургеневе, мы имеем перед собой ”всю Россию и почти всего человека”. (”Toute la Russie et beaucoup d’humanité”).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции : К 70-летию Александра Солженицына 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

■ О доступности богослужения

О доступности церковной службы — <i>свящ. В. Адаменко</i>	5
Славянский или русский язык в богослужении — <i>Г. Федотов</i>	13
Основные проблемы современной православно-христианской церковной жизни и некоторые пути их решения (<i>Анкета самиздата, 1988</i>)	40

Принципы православной антропологии — *Прот. Василий Зеньковский* 67

■ К биографии А.Ф. Лосева

А. Ф. Лосев — <i>А. Тахо-Годи</i>	92
Последний из "могикан" — <i>А. Гулыга</i>	96

К 70-летию АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

К 70-летию А. Солженицына — <i>В. Сендеров</i>	99
Пророк и отечество — <i>Глеб Анищенко</i>	106
О романе "Раковый корпус" А. Солженицына — <i>Радио-беседа: Г. Адамович, Г. Газданов, Н. Струве</i>	113
О Солженицыне — <i>В. Вейдле</i>	129
От одной "глыбы" к другой — <i>Жорж Нива</i>	131
О "Марте Семнадцатого" — <i>Н. Струве</i>	137
О Солженицыне в России	147
Образ императрицы в "Красном колесе" А. Солженицына — <i>Ю. Кублановский</i>	150
Два кредо (Этика и эстетика у Солженицына и у Бродского) — <i>М. Назаров</i>	175
Александр Солженицын и "Мемориал"	193

ПАМЯТИ СЕСТРЫ ИОАННЫ РЕЙТЛИНГЕР

Сестра Иоанна Рейтлингер — <i>Н. Струве</i>	195
Из писем к московской молодежи — <i>с. Иоанна Рейтлингер</i>	198
Сестра Иоанна Рейтлингер : воспоминания о встречах — <i>Татьяна Майар</i>	202

1000-летие КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Празднества Тысячелетия в Сибири	205
--	-----

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

■ **"НЕВСКИЙ ДУХОВНЫЙ ВЕСТНИК"** (Из № 2, 3, 4)

<i>События и факты. О. Александр Шедрин (1913-1988).</i> <i>Церкви на Шуваловском кладбище; церковь Пресв. Троицы.</i> <i>Проф. прот. Владимир Сорокин; проф. прот. Николай Гундяев.</i> <i>Почему забыли? (О новых святых). Обзор печати: "Аминь" (№1);</i> <i>"Земля" (№4); "Благовест" (№1); "Бюлл. христианской обществ.",</i> <i>(вып. 3-4)</i>	217
---	-----

В МИРЕ КНИГ

Книга о. Серафима Роуза и православие — <i>NN</i>	247
Памятник русского символизма — <i>П. Маковкин</i>	253
С глаз долой... — <i>Н. Артамонова</i>	258

SOMMAIRE

<i>Editorial : Pour le 70-è anniversaire d'Alexandre Soljénitsyne</i>	3
---	---

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

<i>Pour une liturgie intelligible à tous</i> — <i>V. Adamenko</i>	5
<i>Slavon ou russe à l'église?</i> — <i>G. Fedotov</i>	13
<i>Comment résoudre les problèmes de l'Eglise et des paroisses</i> <i>en URSS? (Enquête du Samizdat)</i>	40
<i>Conception orthodoxe de l'anthropologie (fin)</i> — <i>P. Basile</i> <i>Zenkovski</i>	67
<i>Le philosophe A. F. Lossev dans les années 30</i> — <i>A. Takho-Godi</i>	92
<i>A. Lossev, le dernier des "Mohicans"</i> — <i>A. Goulyga</i>	96

Pour le 70-è ANNIVERSAIRE d' A. SOLJENITSYNE

<i>Pour le 70-è anniversaire de Soljénitsyne</i> — <i>V. Senderov</i>	99
<i>Le prophète et son pays</i> — <i>G. Anichtchenko</i>	106
<i>«Août 14»</i> — <i>Table ronde 1968 avec G. Adamovitch,</i> <i>G. Gazdanov, N. Struve</i>	113
<i>A propos de Soljénitsyne</i> — <i>V. Veidlé</i>	129
<i>D'un roc à l'autre</i> — <i>G. Nivat</i>	131
<i>"Mars 1917" d'A. Soljénitsyne</i> — <i>N. Struve</i>	137
<i>Soljénitsyne vu par ses lecteurs russes</i>	147
<i>L'impératrice Alexandra dans "La roue rouge" d'A. Soljénitsyne</i> — <i>Youri Koublanovski</i>	150
<i>Ethique et esthétique chez Soljénitsyne et Brodski</i> — <i>M. Nazarov</i> <i>Alexandre Soljénitsyne et l'association "Memorial"</i>	175 193

IN MEMORIAM SOEUR JEANNE REITLINGER

<i>Sœur Jeanne Reitlinger, iconographe</i> — N. Struve	195
<i>Lettre à la jeunesse moscovite</i> — Sœur Jeanne Reitlinger	198
<i>Sœur Jeanne à Tachkent</i> — Tatiana Maillard	202

LE MILLENAIRE DU BAPTEME DE LA RUSSIE

<i>Célébrations du Millénaire en Sibérie</i>	205
--	-----

« LE MESSAGER SPIRITUEL DE LA NEVA »

Extraits des N° 2, 3 et 4	217
-------------------------------------	-----

Chroniques. In memoriam P. Alexandre Chtchedrine. Les églises du cimetière Chouvalovo; l'église de la Trinité. Nos pasteurs : P. Vladimir Sorokine; P. Nicolas Gundiaev. Les nouveaux saints russes. La presse du Samizdat : "Amen" (N°1); "Zemlia - La Terre" (N°4); "Blagovest - L'angélus" (N°1); "Bulletin de la vie chrétienne" (N°3-4).

LE MONDE DES LIVRES

Fr. Seraphim Rose : <i>Orthodoxy and the Religion of the Future</i>	247
M. Volochine : <i>Portraits d'artistes</i> (P. Makovkine)	253
N. Tolstoi : <i>Les victimes de Yalta</i> (N. Artamonova)	258

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 5 JANVIER 1989
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 463-88